

Молли была в шоковом состоянии, пока муж вел ее обратно в спальню. Она не могла ни моргнуть, ни остановить слезы, ни открыть рот, чтобы что-то сказать; все, что она могла делать, - это смотреть, как в ее голове снова и снова прокручивается образ Гарри, корчащегося на кровати, а ее сердце, казалось, трескается, как хрупкий фарфоровый горшок. Артур всю дорогу назад напрягал челюсти. Он отогнал воспоминания о том, что только что увидел, на задний план и решил сосредоточиться на том, что нужно сделать сейчас.

В конце концов они добрались до своей спальни, и резкий щелчок закрывающейся двери вывел Молли из депрессивной задумчивости.

"О Артур!" - всхлипнула она, бросаясь в его объятия. Она продолжала лепетать какую-то чепуху, пока Артур нежно укачивал ее и шептал ей на ухо успокаивающие звуки. Когда он почувствовал, что ее плач ослабевает и затихает, он подвел ее к кровати, наклонившись к ней и наклонив свое тело так, чтобы по-прежнему смотреть ей в лицо. Молли начала слегка икать, глядя в голубые глаза мужа, и поняла, что его следующие слова будут важными - или такими, которые ей ни капельки не понравятся.

"Молли, отныне Гарри и Джинни будут спать в одной комнате". Тон, которым говорил патриарх Уизли, ясно показывал, что именно так и будет, что бы ни говорила его жена.

Молли сидела и смотрела на него, пытаясь осмыслить то, что он только что сказал. Лишь несколько мгновений спустя она открыла рот и начала возражать, как и ожидал Артур.

"Но Артур, они не могут! Они..."

"Нет, Молли", - повысил он голос, когда она снова попыталась его перебить. "Разве ты не видишь, что произошло сегодня? Что произошло с тех пор, как они приехали сюда? Молли, Гарри не спал ни одной ночи с тех пор, как приехал сюда! Я иногда слышу, как он крадется по лестнице. И он всегда просыпается первым, с большими черными кругами под глазами".

"Я заметила, - призналась Молли тоненьким голоском. Ее глаза потускнели, как перегоревшая лампочка, а в животе зашевелились нити вины.

"Я знаю, что заметила. Молли, в будущем произойдет нечто, через что пришлось пройти Гарри и Джинни. Что-то настолько плохое, что оно до сих пор преследует его".

Молли вздрогнула, когда Артур тихо продолжил: "Она нужна ему, Молли-любимый. Она нужна ему, чтобы прогнать эти образы. Ты видела, как она успокоила его сегодня вечером. И я готов поспорить, что он дает ей такое же утешение".

"Но они так молоды... - возразила она слабым голосом. Она больше не могла смотреть мужу в глаза; вместо этого она сосредоточила свой скорбный взгляд на своих скрюченных руках, которые лежали на коленях, покрытых пижамой. Он мягко улыбнулся ей и наклонил ее подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

"Может быть, физически они и молоды, но в понимании Джинни она уже взрослая замужняя женщина с ребенком на подходе. Они оба переживают трудные времена - Джинни больше, чем Гарри, - и им нужно утешение, которое могут дать друг другу только они".

Шоколадные глаза, полные печали, смотрели в голубые глаза, наполненные убеждением, состраданием и пониманием. В конце концов Молли кивнула и обняла мужа.

Гермиона Грейнджер не могла усидеть на месте, поэтому она металась туда-сюда по небольшому пространству своей спальни. Обычно это до чертиков раздражало бы Рональда Уизли, но после того, что произошло сегодня вечером, он был совершенно счастлив, что она так и ходит, пока он держит голову на руках и удрученно смотрит на нитяной ковер. До сих пор они молчали, разбираясь в собственных мыслях, но вскоре этого стало недостаточно для кустодиевской девушки.

"С ним что-то случилось, Рон. Что-то ужасное". Её голос был полон решимости, как будто она осмеливалась возразить ему. Рон только вздохнул и поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

"Я знаю". Он прошептал ей. "Я знаю".

"Правда? Ты знаешь?" - сурово укорила она его. Ее глаза сузились от злости, и, хотя большая часть Рона понимала, что он заслужил предстоящую лекцию и оскорбления, небольшая часть Рона чувствовала, что она не должна на него набрасываться, потому что она расстроена тем, что только что произошло.

"Откуда ты можешь знать, Рональд? Ты почти не разговаривал ни с ним, ни с Джинни с тех пор, как они приехали! Ты только хмурился, дулся, вырывался и вел себя как ребенок! Как ты мог догадаться, а?" - её голос неуклонно повышался, чем больше она возбуждалась.

Рон слегка вздрогнул от её обвинений, но не смог их опровергнуть. Он знал, что вёл себя ужасно и как ребёнок. Он знал, что злит сестру и причиняет боль лучшему другу; он видел отблески грусти и боли в глазах своего лучшего друга, когда тот выходил из комнаты, и хотя на какое-то время это вызвало у него чувство триумфа, сейчас он ощущал лишь тоскливое чувство в животе, которое с каждым днём становилось всё сильнее.

"Я знаю, Гермиона, - тихо сказал он, тяжело вздыхая. "Просто это был такой большой шок. В смысле, один день все было нормально, а потом я узнал, что мой лучший друг обрюхатил мою младшую сестру, и они женаты, причем примерно на 9 лет в будущем!" Он вскинул руки вверх, а затем грубо провел ими по волосам. Гермиона некоторое время наблюдала за ним, прежде чем сесть рядом с ним. Оба проигнорировали бабочек, которые вспорхнули в их животах от близкого контакта. Ощущения усилились, когда Гермиона нежно положила свою руку на его, и на их лицах появился жаркий румянец.

"Рон, - начала она успокаивающим тоном. "Вся эта ситуация сложна для них обоих. Они должны привыкнуть к тому, что каким-то образом путешествуют в прошлое, а Джинни приходится справляться с гормонами беременности в дополнение к обычным подростковым гормонам".

Не обращая внимания на ворчание Рона о том, что ему не нужно знать о гормонах его сестры, она наклонилась к нему поближе и понизила голос до шёпота.

"Я думаю, Джинни надеялась, что старший брат будет рядом, а Гарри - что его поддержит лучший друг". Рон поморщился, чувствуя, как чувство вины отзывается в его сердце, но еще несколько мгновений ни один из них больше ничего не говорил; они довольствовались тем, что просто слушали свои собственные мысли и теплое ощущение тела другого человека рядом со своим.

В конце концов Рон снова нарушил молчание. "Знаешь, я всегда хотел, чтобы они были вместе". Гермиона подняла голову с его плеча.

"Что?"

Рон фыркнул: "Да. Я всегда представлял их вместе. Они просто кажутся... подходящими, знаешь ли. Но Джинни никогда не могла сказать ему больше пары слов, прежде чем выбегала из комнаты с красным как помидор лицом".

Они оба слегка захихикали, вспоминая времена, когда Джинни убегала, стоило Гарри только поздороваться с ней.

Гермиона снова положила голову ему на плечо, наслаждаясь ощущением комфорта: "Я всегда думала, что они были бы хорошей парой".

"Ага", - кивнул Рон, а затем с сожалением покачал головой. "Но как только они сойдутся, мне придется вести себя как настоящему придурку". Она слегка сжала его руку.

"Они простят тебя. Я знаю, что простят".

"Я не знал, что ты хочешь подражать Трелони, Гермиона".

"Прит."
